

ШТАНИ ШТАНО-ШТАНО

ШТАНО, ШТАНО,
ШТАНО, ШТАНИ.

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В СТРАНЕ ДЗУБОНКОКУ

Штани Штано-Штано

**Штано, штано, штано,
штани. Женщины и мужчины
в стране Дзюбонкоку**

«Издательские решения»

Штано-Штано Ш.

Штано, штано, штано, штани. Женщины и мужчины в стране Дзюбонкоку / Ш. Штано-Штано — «Издательские решения»,

Раньше я считал штаны лишь функцией. Но однажды «та самая пара» брюк помогла мне вздохнуть с облегчением после апатии и невыносимой тяжести, от которой, казалось, некуда было бежать. Эта книга не о моде, а о поиске прохода через грозовой перевал невзгод. Это истории исцеления через то, что мы носим на наших ногах. Штаны могут стать броней для ранимых, защитой от выгорания для трудолюбивых. Стать советником в решении семейных конфликтов, фундаментом для жизненных побед и душевного исцеления.

Содержание

Магазинчик «Дзюбонкоку». «Всё будет хорошо»	6
Господин Саго	7
Девушка, читающая по штанам	8
Волшебные таблички	9
«Всё будет хорошо»	10
1. «Штаны для первого снега»	11
«Иллюзия первого снега»	12
«Дождаться настоящего снега»	13
2. «Брюки-победа»	14
«Доспехи для переговоров»	15
«Брюки, в которых можно дышать»	16
3. «Брюки для тех, кто ищет одно и то же»	17
«Две пары, одна судьба»	18
«Брюки вместо войны»	19
«Брюки для тех, кто больше не делит»	20
3. (часть 2) «Счастье унисекс»	21
«Для любой версии вас»	22
«Иллюзия целого»	23
«Брюки, которые ничего не обещают»	24
4. «Брюки, которые не судят»	25
«Ткань, которая знает правду»	26
«Больше нечего терять»	27
«Брюки для тех, кто устал прятаться»	28
5. «Брюки для тех, кто хочет нравиться»	29
«Жажда внимания»	30
«Уверенность не в крое»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Штано, штано, штано, штани. Женщины и мужчины в стране Дзюбонкоку

Штани Штано-Штано

© Штани Штано-Штано, 2026

ISBN 978-5-0069-7752-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Штаны... Раньше я считал их лишь функцией: брюки для работы, джинсы для улицы, трикотаж для дома. Даже не подозревал, что обычная вещь может стать инструментом исцеления, пока однажды не зашел в неприметный магазинчик.

В тот день я был раздавлен: глухая апатия и полное отсутствие сил жить дальше и невыносимая тяжесть, от которой некуда было бежать. Но стоило примерить ту самую особенную, будто меня ждавшую пару, как что-то щелкнуло: ткань словно впитала мою боль, и я впервые за долгие месяцы вздохнул с облегчением.

Так родилась эта книга. Она не о моде, а о поиске прохода через «грозовой перевал» житейских невзгод. Штаны могут стать броней для ранимых, защитой от выгорания для трудолюбивых. В книге собраны истории о том, как штаны (или брюки) помогают лечить женщинам и мужчинам одиночество, разбитое сердце, неуверенность, семейные конфликты, выгорание и многое другое. Я знаю, что текст не решит все проблемы, но он поможет понять, в каких штанах идти дальше, и как с помощью штанов найти путь к долгожданному душевному исцелению.

Магазинчик «Дзюбонкоку». «Всё будет хорошо»

В Старом городе, где улицы узкие, как мышинный хвост, а время течёт медленнее, чем в остальной части вечно спешащего мегаполиса, с незапамятных времён стоит магазинчик. Над дверью нет вывески — только деревянная табличка с непривычными для нашего глаза иероглифами, выцветшими до нечитаемости. Но старожилы знают и даже кое-кто из них умудрился запомнить его название: это «Дзюбонкоку»¹. Магазин штанов.

Снаружи он кажется старой антикварной игрушкой. Сквозь пыльные разводы витрин едва проглядывается вытянутый на вешалках товар. Стеклопанель двери отзывается с нажимом и колокольчик который звенит вроде бы бодро и звонко, а всё же с какой-то ноткой отрешённости, словно вздыхает: «Ну, заходи, заходи, раз пришёл. Смелей, смелей, не бойся».

Внутри магазинчика пахнет сукном, нафталином и чем-то неуловимым. Возможно — временем. А возможно — чужими судьбами. Стеллажи уходят в полумрак, и кажется, им нет конца.

Здесь есть всё. От жёсткого японского денима, густо прокрашенного индиго, способного стоять без поддержки, до невесомого льна, который колышется на сквозняке, как живой. Рядом теснятся вельветовые брюки с глубоким рубчиком, сохранившим тепло старых библиотек, и шерстяные слаксы, чья ткань — мягкая и ворсистая — гасит любые звуки.

В тени блестит холодный шёлк, струящийся сквозь пальцы, словно чёрная вода, а над ним нависает тяжёлый твид в мелкую искру, пахнувший вереском и осенним туманом. Есть здесь и палатки из тончайшего крепа, замирающие в складках, как античные статуи, и грубый холст рабочих штанов, помнящих соль пота и пыль дорог.

В углу, у самого окна, стоит кресло — старое, продавленное, с подлокотниками, отполированными до блеска тысячами рук. В нём неподвижно сидит человек.

¹ В переводе с японского это означает «страна штанов».

Господин Сато

Он японец. Ему за семьдесят. Маленький, сухой, с лицом как сморщенное яблоко и руками, которые движутся медленно, но с пугающей точностью. Эти руки помнят каждую пару, прошедшую через его магазинчик за полвека: любой разрез, прореху или сломанную молнию. Он чинит не просто ткань — он латает судьбы.

Три года назад господин Сато перенёс инсульт. Месяц в больнице, два — на реабилитации, и вот он снова в своём кресле. С той лишь разницей, что теперь он почти не говорит.

— Штано, — произносит он, когда я вхожу утром.

На его языке это значит: «Доброе утро».

— Штано, штано, — отвечаю я.

Это не насмешка, не передразнивание, а вежливое: «И вам доброго, мастер».

Мы понимаем друг друга без слов. Точнее — при помощи одного-единственного слова.

Девушка, читающая по штанам

Я — его помощница. Пять лет назад забрела сюда в поисках работы — и осталась. Сначала просто развешивала вещи и подметала пол. Позже начала продавать. А потом — слушать. Теперь я его (господина Сато) голос. Его переводчик с языка «штано» на человеческий.

В этом единственном слове, оставшемся у господина Сато, заключено всё. Интонация, взгляд, едва заметный наклон головы или движение пальца — и «штано» рассыпается на тысячу смыслов: «Этот клиент врёт самому себе». «Эти брюки слишком узки для его души». «Ей нужен не деним, а убежище». «Ему нужны не штаны, а прощение».

Я научилась различать эти оттенки, как слепой читает шрифт Брайля — кончиками нервов. Девушка, читающая по штанам.

Мы стали единым целым. Он видит — я говорю. Он знает — я делаю. Иногда мне кажется, что наш магазинчик — живой организм, а мы с Сато лишь его руки и губы. А сердце... оно здесь, стучит в такт колокольчику над дверью.

Волшебные таблички

Каждое утро я достаю из-под прилавка стопку картона и маркер. Никто меня этому не учил — идея пришла сама, или Сато-сан однажды внушил мне её во сне.

Я пишу то, что «висит в воздухе». То, что сегодня нужно людям, которые скоро переступят порог. И это всегда срабатывает.

«Штаны для тех, кто устал быть сильным».

«Брюки, которые не обещают счастья, но гарантируют покой».

«Джинсы для возвращения домой».

«Штаны, в которых можно разрыдаться в примерочной и выйти с сухими глазами».

Прохожие читают, замирают у витрины и заходят. Как мотыльки на свет. Словно волшебная табличка окликнула их по имени, которое они сами от себя прячут.

Сегодня я долго смотрела на чистый лист. За окном моросило, редкие прохожие кутались в воротники, и город казался выцветшим. Я чувствовала эту усталость кожей. Знала: сегодня сюда придут не за покупками.

Я вывела:

«Штаны для тех, кто пришёл не за штанами».

И приписка мельче: *«Заходите. Помолчим. Иногда это важнее любой ткани».*

Я закрепила табличку на стекле, поправила вешалку с тяжёлым денимом и обернулась. Сато-сан перебирал пуговицы в жестяной коробке: старые, новые, перламутровые, костяные. Его пальцы двигались размеренно, словно перекачивали чётки.

— Штано? — спросила я.

Он взглянул на табличку сквозь мутное стекло, и уголок его губ дрогнул. Почти улыбка. Почти благословение.

— Штано, — ответил он.

В этом коротком звуке я услышала: «Сегодня будет тяжёлый день. Много чужой боли. Но ты справишься».

Я кивнула и пошла ставить чай. Старый фарфоровый чайник, две чашки с сеточкой трещин — моя и Сато — и одна лишняя. Для тех, кто никогда не пьёт чай, но кому становится легче от самого предложения.

«Всё будет хорошо»

Колокольчик над дверью вздохнул.

На пороге «Дзюбонкоку» стояла женщина лет сорока. Промокшая до нитки, с лицом, на котором дождь смешался со слезами, и пустыми руками.

— Здравствуйте, — выдохнула она. — Я прочла вашу табличку. У меня... у меня нет денег на штаны. Но мне очень нужно просто посидеть. Можно?

Я выставила третью чашку на стол.

— Проходите. Чай будет через минуту.

Сато-сан в своём углу отозвался едва слышно:

— Штано.

Я знала этот тон. Он значил: «Впусти. Согрей. Выслушай. В этом и есть наша работа».

За окном шумел дождь. В лавке пахло имбирным паром, старой тканью и чужой историей, которой суждено было остаться в этих стенах навсегда. Я разлила чай и села напротив.

— Рассказывайте.

И она начала.

А Сато-сан всё перебирал пуговицы в своём кресле. Медленно, ритмично. Словно нанизывал на невидимую нить не кусочки пластика и кости, а наши судьбы. Одну за другой. Стежок за стежком.

— Штано, — прошептал он в такт каплям по стеклу.

И в этом шёпоте я расслышала: «Всё будет хорошо. Не сразу. Не скоро. Но обязательно».

1. «Штаны для первого снега»

Господин Сато смотрит в окно. На стекле тает снежинка, и кажется, что он следит именно за ней — как она расплывается, исчезая, словно масло на раскаленной сковороде.

Вы сегодня молчаливее обычного. Даже для вас это не естественно.

Я вешаю на витрину табличку с надписью: «Штаны для первого снега». Под ней мелко: «Теплые внутри, но не греют».

Вы хмыкаете. «Штано», — говорите вы. Я знаю, это значит: «Ты права».

«Иллюзия первого снега»

В «Дзюбонкоку» зашел молодой человек лет двадцати пяти. Лицо его выражало ту смесь растерянности и обиды, которая бывает у людей, осознавших: реальная жизнь не совпадает с картинкой в соцсетях. Он долго изучал табличку на витрине, словно пытался расшифровать древнее наречие, и наконец решился войти.

— Мне нужны штаны, — произнес он, избегая взгляда. — Такие... чтобы и на свидание не стыдно, и в поход не жалко. Чтобы не на один сезон.

Я предложила ему классику: плотная хлопковая саржа, глубокий темно-синий цвет, усиленные швы. Идеальный баланс между стилем и утилитарностью. Он вышел из примерочной, покрутился перед зеркалом и вдруг замер.

— А бывают штаны, глядя на которые сразу ясно: это надолго? — спросил он тихо. — Не только ткань, а вообще... суть. Чтобы не порвались через неделю, когда всё пойдет не по плану.

Я мельком взглянула на вас. Вы сидели в своем углу, склонившись над старыми «Леви-сами». Ваши пальцы двигались медленно, но уверенно, латая дыры, оставленные временем и дорогами. Вы не поднимали головы, но я знала — вы ловите каждое слово.

— Знаете, — сказала я парню, — к нам как-то зашли трое друзей. Они тоже искали «свое». Один хотел что-то яркое, чтобы произвести впечатление. Второй — самое дешевое, потому что не верил, что вещи могут служить долго. А третий искал штаны для особого случая — он как раз влюбился и верил, что это навсегда.

Я сняла с полки тяжелый японский деним, жесткий и почти черный.

— И что в итоге? — спросил молодой человек, касаясь грубой ткани.

— Яркие штаны первого парня полиняли после первой же стирки. Дешевка второго разошлась по швам через месяц. А тот, влюбленный... через неделю он узнал, что его чувства не взаимны. Ему стало всё равно, во что он одет. Все трое вернулись к нам, разочарованные в своем выборе. Они поняли, что пытались купить уверенность в завтрашнем дне, просто выбрав фасон.

Вы в углу хмыкнули громче обычного.

— Штано, штано, штани... — проворчали вы, не отрываясь от работы.

Я перевела ваши слова для гостя:

— Да-да. Иллюзия «первого снега». Господин Сато говорит, что многие выбирают вещи, как первый снег. Он кажется чистым и мягким, пока ты смотришь на него из окна. Но стоит выйти на улицу, как он превращается в холодную грязь. Вещь «надолго» — это не та, что красиво висит на вешалке. Это та, которую вы готовы чинить и беречь, когда она начнет изнашиваться. Как эти старые джинсы в руках мастера.

Молодой человек посмотрел на свои руки, потом на господина Сато, и в его взгляде впервые за визит появилась осознанность. Он снова повернулся к зеркалу, но теперь смотрел не на фасон, а на то, как плотная саржа облегает его собственные колени.

«Дождаться настоящего снега»

Молодой человек задумался. Потом вдруг улыбнулся — впервые за все время.

— А знаете, я, пожалуй, возьму те, первые. Темно-синие, с карманами.

— Почему именно их? — спросила я.

— Потому что в них можно спрятать руки. И ждать. Неизвестно чего, но ждать.

Когда он ушел, вы отложили штопку и посмотрели на дверь. Дождь за окном усилился; капли бежали по стеклу сплошным потоком, смывая ту, первую, за которой вы следили.

— Штано? — спросила я.

Вы покачали головой и указали на витрину, где была табличка «Штаны для первого снега».

— Убрать? — уточнила я.

Вы кивнули.

А потом добавили что-то совсем тихо. Я не разобрала слов, но поняла смысл: «Люди должны дождаться настоящего снега».

2. «Брюки-победа»

Господин Сато сегодня чинит «молнию» на старых армейских брюках. Пальцы слушаются плохо, но старик упрям. Говорят, когда-то он был часовщиком. Теперь вот — штаны. А впрочем, это одно и то же: и здесь, и там нужны терпение и внимание к деталям.

Я собираюсь повесить на витрину новую табличку: «Брюки-победа». Под ней приписка мелким шрифтом: «Идеальная посадка. Не мнутся. Не сковывают движений. Единственные».

Вы поднимаете голову, смотрите на надпись, затем на меня. В глазах — немой вопрос.

— Знаю, — отзываюсь я. — Слишком громко. Но пусть повисит денёк. Посмотрим, кто клюнет.

«Доспехи для переговоров»

Клюнула женщина.

Она вошла в «Дзюбонкоку» так, как входят люди, привыкшие, что двери перед ними открывают. Стук высоких каблуков по сухому дощатому полу — звук, от которого вы всегда морщитесь. Темно-синий костюм, безупречный, если не считать одной расстегнутой пуговицы на пиджаке — единственной уступки несовершенству мира.

— Мне нужны брюки, — сказала она низким, уверенным голосом. — Для переговоров. Важных.

Я предложила классические черные, из плотной шерсти. Она покачала головой:

— Слишком... предсказуемо.

Я показала серые, в тонкую полоску, с идеальными стрелками. Гостья скривилась:

— Скучно.

Я показала темно-бордовые, чуть зауженные книзу, с неожиданной шелковой отделкой по внутреннему шву — деталью, которую заметит лишь тот, кто подойдет слишком близко.

Она замерла.

— Интересно, — произнесла она. — Я примерю.

Пока гостья переодевалась за ширмой, вы отложили армейские штаны и достали другую пару — из мягчайшего черного вельвета, почти бархата. Положили на прилавок и пододвинули ко мне.

— Посмотри, — сказали вы. Я поняла: «Покажи и эти. На всякий случай».

Она вышла из-за ширмы в бордовых. Прощлась. Посмотрела на свое отражение в зеркале и едва заметно улыбнулась.

— Хорошо сидят, — сказала она. — Но... не то.

— Что именно не так? — спросила я.

Она помолчала, а затем заговорила — скорее со своим отражением, чем со мной:

— Недавно я была в одном месте. В клубе. Не спрашивайте, в каком. Там был... впрочем, неважно. Весь вечер ко мне подходили мужчины. Делали комплименты, предлагали выпить. Я думала: вот оно. Сейчас я — главная, я в центре внимания.

Она повернулась ко мне:

— А потом поняла, что мне это совсем не нужно. Я ищу другое.

Я указала на черные вельветовые брюки, которые вы оставили на прилавке.

— Примерьте эти. Они совсем иные.

Она взяла их в руки, коснулась ткани.

— Мягкие, — удивилась она. — Слишком мягкие для переговоров.

— Просто примерьте, — повторила я.

Она ушла за ширму. Когда вышла — лицо ее изменилось. Она стояла в этих мягких, обволакивающих брюках, и ее плечи — готова поклясться — опустились на сантиметр. Будто она сняла не пиджак, а тяжелые доспехи.

— Странно, — произнесла она. — В них я чувствую себя... спокойно. Будто больше не нужно никого завоевывать.

«Брюки, в которых можно дышать»

Вы хмыкнули. «Штано-штано», — проворчали вы.

Я перевела:

— Господин Сато говорит, что эти вещи для тех, кто перестал что-либо доказывать. Кто уже понял: главная победа — это когда можно просто быть собой.

Она долго всматривалась в свое отражение.

— Знаете, в том клубе... там был изысканный ужин. Дорогие закуски. И все вокруг занимались... ну, вы понимаете. А я стояла и думала: «Господи, как же это всё далеко от того, что мне на самом деле нужно».

Она снова посмотрела на бордовые брюки, висящие на вешалке.

— Теперь я понимаю. Те были — как тот клуб. Эффектные, но чужие. А эти... — она погладила вельвет. — В этих я словно вернулась домой.

Она купила обе пары: черные вельветовые и, на всякий случай, те самые, с шелковой отделкой.

— Для особых вечеров, — пояснила она. — Когда захочется снова стать эффектной. Но при этом знать, что дома меня ждут мягкие.

Когда она ушла, вы снова взялись за армейские штаны. Я подошла к витрине и сняла табличку «Брюки-победа».

— Убрать? — спросила я. — А что повесим вместо неё?

Вы задумались. Затем указали на остаток черного вельвета и произнесли одно слово. Я не расслышала его, но точно поняла смысл: «Воздух». Я вывела на новой табличке: «Брюки, в которых можно дышать». И повесила её на витрину.

3. «Брюки для тех, кто ищет одно и то же»

Господин Сато сегодня штопает карманы. Старые джинсы, новые дырки — вечная история.

Вы сидите у окна; свет падает так, что видна каждая морщинка на ваших руках. Иногда мне кажется, вы и сами — как эти джинсы: столько всего заштопано, а всё равно держитесь.

На витрине сегодня новая табличка: «Брюки для тех, кто ищет одно и то же». И приписка мелким шрифтом: «Узнаёте? Они вашего фасона».

Вы прочитали, хмыкнули и покачали головой. Я знаю, это значит: «Слишком жестоко». Но я оставила.

«Две пары, одна судьба»

Первая клиентка пришла утром. Высокая, темноволосая, в пальто стоимостью в нашу выручку за месяц. Она держалась так, будто город принадлежит ей, но глаза выдавали ту особенную тоску людей, привыкших получать всё, кроме главного.

— Заказ на имя Анны, — бросила она. — Брюки из новой коллекции. Тёмно-серые, с двойной строчкой.

Я нашла нужный сверток в коробке с надписью «Ожидание», где скапливаются все заказы сделанные через сайт нашего магазинчика. Да, у нас есть маленький (как наш магазинчик) сайтик. Все таки на дворе XXI век.

Развернула сверток. Надо признать, вещь красивая. Строгая, но с секретом: карманы чуть ниже обычного и неожиданно мягкий пояс.

— Будете примерять?

Она усмехнулась:

— Я полгода примеряла их мысленно. Эти брюки заказывают все, кто хоть что-то понимает в стиле.

Я не стала уточнять, что именно она имеет в виду. Вы кашлянули в своём углу — «Штано», — и я поняла: «Не лезь». Она ушла, пообещав забрать покупку вечером.

Вторая клиентка появилась через час. Блондинка чуть пониже, в забавной шапке — явно подарок бабушки. Она сразу направилась к прилавку:

— Здравствуйте! Я за заказом. Фамилия Иванова. Тёмно-серые брюки с двойной строчкой. Увидела их на сайте и сразу поняла: мои.

Я моргнула и полезла под прилавок. Там, во все той же коробке с надписью «Ожидание», лежала точно такая же пара. Вторая.

— Вы уверены, что заказывали именно у нас? — спросила я.

— Абсолютно! — она достала телефон и показала подтверждение. Всё сходилось. Два заказа. Две пары идентичных брюк. Одна модель.

— Хорошая модель, — заметила я, просто чтобы прервать затянувшееся молчание. — Популярная.

— Ой, я знаю! — засмеялась девушка. — Мне подруга посоветовала. Сказала, что от таких все мужчины с ума сходят. Ну, не от брюк, конечно, а от тех, кто их носит. Но вы же понимаете? Штука в том, что эти брюки — они как знак. Для тех, кто разбирается.

— В одежде? — уточнила я.

— В жизни, — поправила она. — В том, что действительно важно.

«Брюки вместо войны»

Я посмотрела на вас, господин Сато. Вы отложили штопку и внимательно разглядывали девушку. Затем перевели взгляд на дверь. Я поняла ваш немой вопрос.

— Знаете, — сказала я, — первая покупательница на эту модель уже заходила. Заберет вечером.

Девушка замерла. Улыбка мгновенно сползла с её лица.

— Какая она? — спросила она, и голос её изменился. — Высокая? Темноволосая? В пальто за три штуки?

— За две, — поправила я. — Я разбираюсь в таких пальто.

Она выдохнула и опустилась на табурет, который вы держите для старых клиентов.

— Чёрт, — прошептала она. — Опять она.

Вы кашлянули.

Я перевела:

— Господин Сато спрашивает, откуда вы знакомы.

— Мы не знакомы, — горько усмехнулась девушка. — Но я знаю её адрес, телефон, день рождения, любимый ресторан и марку духов. Потому что два года назад я встречалась с мужчиной, который через полгода после нашего расставания начал встречаться с ней. А потом снова со мной. А потом — опять с ней.

Она посмотрела на брюки.

— И теперь мы заказываем одинаковые штаны...

Я не знала, что ответить. Вы встали — медленно, опираясь о стену. Подошли к стеллажу и достали другую пару — тёмно-синие, из мягкого льна, с широким поясом и глубокими, как воспоминания, карманами.

Положили их рядом с серыми.

— Штано, — произнесли вы.

Я перевела взгляд на девушку.

— Господин Сато предлагает примерить эти. Тоже хорошие, тоже красивые. Но — другие.

Она взяла их, погладила ткань.

— Мягкие, — удивилась она. — Совсем не такие.

— Те — для войны, — отозвалась я. — Эти — для жизни. Для тех, кто больше не хочет делить одно и то же на двоих.

«Брюки для тех, кто больше не делит»

Она долго молчала, прежде чем спросить:

— А она их возьмёт? Серые?

— Скорее всего.

— И будет ходить в них на свидания с ним?

— Не знаю, — честно ответила я.

Она посмотрела на вас. Вы кивнули — медленно, с уважением.

— Я возьму эти, — сказала она, прижимая к себе синий лён. — Пусть она носит серые.

Нам больше не по пути.

Когда она ушла, вы вернулись в кресло и взялись за штопку. Посмотрели на меня.

— Штано-штано? — спросили вы.

Я задумалась. Подошла к витрине, сняла старую табличку и написала заново: «Брюки для тех, кто больше не делит».

Вы прочитали, хмыкнули и кивнули. Одобрили.

Вечером пришла Анна. Высокая, в дорогом пальто. Я отдала ей серые брюки. Она даже не стала их мерить — расплатилась и ушла.

Вы смотрели ей вслед. Потом указали на окно, за которым в сумерках таяла её фигура.

— Штано, — сказали вы.

Я поняла: это значило, что она ещё вернётся. За тем, что у неё когда-то украли.

3. (часть 2) «Счастье унисекс»

Господин Сато сегодня на взводе. Для него это значит трижды переложить штопку с места на место и два раза проверить, ровно ли висят брюки на вешалках.

Я понимаю вас, господин Сато: Чёрная пятница. Вы ненавидите этот день. Слишком много людей, лишних вопросов и чужих рук, касающихся ткани без всякого трепета.

Я выставила на витрину новую табличку. Думала, вы улыбнётесь, но вы только вздохнули.

«Счастье унисекс». И приписка мелко:

«Подходит всем. Не подходит никому. Проверьте сами».

«Для любой версии вас»

Народ повалил с утра. Чёрная пятница — время, когда люди покупают ненужное, чтобы забыть о самом важном. Я догадалась об этом недавно. Вы знали это всегда.

Первой зашла женщина лет сорока пяти. Добротное пальто, дорогие сапоги, но взгляд — потухший. Она долго бродила между рядами, щупала ткань, читала надписи на ценниках. Наконец подошла ко мне.

— Мне нужны штаны, — произнесла она. — Такие, чтобы в них можно было... просто жить. Без ожиданий.

Я показала ей мягкие, широкие брюки из серой фланели. Тёплые, уютные, без лишних претензий.

— Это для дома? — спросила она.

— Это для вас, — ответила я. — Для любой вашей версии.

Она замолчала, задумавшись.

— Знаете, у меня есть подруга. Мы ровесницы. У неё муж, дети, дом в пригороде. А я одна. И все вокруг твердят: «Как же так? Ты ведь умная, красивая, успешная». А я смотрю на неё и вижу: она каждое утро готовит завтрак человеку, который с ней десять лет не разговаривает. И кто из нас счастливее?

Вы кашлянули.

— Штано, — сказали вы.

Я перевела:

— Господин Сато говорит, что счастье не измеряется количеством людей за столом.

Она купила фланель.

«Иллюзия целого»

Следующим вошёл мужчина. Лет тридцать пять, очки, приклеенный к уху телефон. Он продолжал спор, даже бродя между стеллажами:

— Нет, я не женюсь. Смысл? Развод стоит слишком дорого. Да, так и сказал. Пусть обижается. Алло? Алло!

Он нажал отбой и уставился на манекен.

— Мне нужны брюки, — бросил он. — Для свиданий. Чтобы сразу было ясно: ничего серьёзного я не планирую.

Я предложила ему чёрные, узкие, из тонкой кожи. Агрессивные, провокационные. Вещь, которая буквально заявляет: «Я здесь ненадолго».

Он довольно кивнул, но, заметив ценник, поморщился.

— А подешевле есть?

— Есть, — я подвела его к другой стойке. Почти такие же, но из кожзама. Дешевле.

Он выбрал те, что попроще.

Пока он расплачивался, вы снова кашлянули. Я взглянула на вас: вы указали сначала на него, затем на дверь и, наконец, на витрину с надписью «Счастье унисекс».

— Штано-штано? — спросили вы.

Я кивнула. Мы поняли друг друга.

Следом зашла пара. Обоим под пятьдесят. Она — яркая, шумная, в леопардовом пальто. Он — тихий, с глазами человека, который давно разучился спорить.

— Нам нужны одинаковые брюки! — объявила она с порога. — Хотим быть как близнецы. Это ведь так мило, правда?

Я посмотрела на него. Он лишь неопределённо пожал плечами.

— Какие именно вас интересуют?

— Одинаковые! — повторила она. — Ему и мне. Чтобы все видели — мы одно целое.

Я предложила несколько вариантов. Она выбирала, он послушно кивал. В итоге остановились на тёмно-зелёных, из плотной шерсти. Действительно — одинаковые.

«Брюки, которые ничего не обещают»

Когда они вышли, вы долго смотрели на дверь. Затем произнесли что-то негромкое. Я не разобрала слов, но поняла смысл: «Она будет носить их с радостью, он — с тоской. Но это не делает их ближе».

К вечеру магазин опустел. Я пересчитала выручку — рекордная сумма. Вы сидели в своём углу, чинили карман на ветхих вельветовых брюках, которые утром принесла какая-то старушка.

— Хороший день, — заметила я. — Большая выручка.

Вы лишь хмыкнули.

Я посмотрела на витрину, где всё ещё белело «Счастье унисекс».

— Знаете, — сказала я, — сегодня каждый из них искал одно и то же. Женщина в сером, мужчина с телефоном, эта пара... Все они верили, что одежда принесёт им счастье.

Вы подняли голову.

— Одна искала утешения, — продолжала я. — Другой — свободы без одиночества. Пара — близости, за которую не нужно платить усилиями. И все ушли с тем, что выбрали. Но никто не нашёл того, за чем пришёл.

Вы отложили штопку, подошли к витрине и, сняв табличку «Счастье унисекс», протянули её мне.

— Штано, — произнесли вы.

Я перевернула картонку. На обороте уже красовалась новая надпись вашим почерком. Я прочитала и невольно улыбнулась:

«Брюки, которые ничего не обещают. Зато не разочаровывают».

Я повесила новую табличку. Вы вернулись в своё кресло. За окном зажигались фонари, и в их свете ваше лицо казалось спокойным — так выглядит человек, который точно знает: счастье не продаётся. Даже со скидкой.

4.«Брюки, которые не судят»

Господин Сато сегодня возится с пуговицами. Целая коробка разномастной старины: деревянные, перламутровые, тяжёлые металлические и совсем древние, с потускневшей эмалью. Он перебирает их медленно, словно чётки. Я знаю: когда руки заняты пуговицами, голова отдыхает от мыслей.

На витрине табличка: «Брюки, которые не судят». И приписка мелко:

«Сороковой, сорок четвёртый, сорок восьмой — какая разница? Главное, чтобы в кармане поместилась надежда».

Вы прочитали, хмыкнули и указали пальцем в небо. Я поняла: «Слишком пафосно. Люди не любят, когда им читают нотации».

— Пусть повисит, — упрямо сказала я. — Сегодня особенный день.

«Ткань, которая знает правду»

Она пришла под вечер. Я сразу поняла: не местная. И дело не в одежде — она смотрела не на вещи, а на цены. Потом на свои руки. И снова на вещи.

Девушке лет двадцать пять. Светлые волосы в небрежном пучке, из которого вечно выбиваются пряди. Свободная футболка и джинсы на пару размеров больше — она в них пряталась. Лицо красивое, но с тем особенным выражением, которое бывает у людей, привыкших извиняться за своё существование.

Она долго бродила между рядами. Касалась ткани. Читала надписи. Наконец остановилась у самой дорогой модели — узких брюк из тонкой шерсти. Тех, что сидят как вторая кожа. — Красивые, — прошептала она. — Но мне не пойдут.

Я подошла ближе:

— Почему вы так решили?

Она пожала плечами:

— Я пыталась. Много раз. В примерочных всегда одно и то же. Смотрю в зеркало и вижу... ну, вы понимаете.

Я понимала. Я видела это каждый день.

— У нас есть другие, — сказала я. — Пойдёмте, я кое-что покажу.

Я отвела её в дальний угол, к вещам, которые вы шьёте сами. Не для всех — только для тех, кто умеет ждать. Тёмно-синие, из плотной, податливой ткани, с широким поясом, который не врежется в кожу, а бережно обнимает. Со складками, которые не прячут фигуру, а рассказывают о ней правду. И с карманами — глубокими, как тайники.

— Это работа господина Сато, — негромко сказала я. — Для тех, кто устал воевать с собой.

Она коснулась ткани, погладила её ладонью — и вдруг расплакалась. Тихо, почти беззвучно, как плачут люди, привыкшие не обременять собой окружающих.

Вы подняли голову от пуговиц. Посмотрели на неё, потом на меня и коротко кивнули: «Не мешай».

Я ждала.

Она вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

— Извините, — выдавила она.

— Ничего страшного. Может чаю выпьете? — предложила я.

— Спасибо, но я не пью чай. — отказалась она. — Глупость какая... рыдать из-за штанов.

— Не глупость, — возразила я. — Рассказывайте.

«Больше нечего терять»

И она заговорила.

История была простой и страшной в своей обыденности.

Как многие, она с детства усвоила: «Хорошие девочки должны быть худыми». В школе дразнили, в институте выбирали других, на работе шептались за спиной. Она перепробовала всё: диеты, изнурительный спорт, таблетки и сомнительных гуру, обещавших результат ценой здоровья. Ничего не помогало. Точнее, вес уходил, но неизменно возвращался, принося с собой липкое чувство вины.

— Я перестала ходить в гости, — она судорожно теребила край футболки. — Перестала знакомиться. Думала: вот похудею, тогда и начну жить. А жизнь проходит мимо.

Я смотрела на неё и думала о лицах с обложек в каждом киоске. О женщинах, торгующих собой за ужин, и о мужчинах, покупающих лишь картинку. О мире, где внешность — единственная валюта, а лишний вес — неминуемое банкротство.

— Примерьте, — я протянула ей синюю ткань. — Просто попробуйте.

Она скрылась за ширмой. Долго не выходила. Я слышала вздохи, шуршание ткани и звук молнии, поддавшейся не с первой попытки. Наконец она шагнула к зеркалу.

Она стояла и молчала. Я встала рядом.

— Ну как?

— Они... — она запнулась, подбирая слова. — Они не врут. Понимаете? Не делают вид, что я другая. Но в них я себе нравлюсь.

Я кивнула.

— Это и есть главное. Не угождать чужим глазам, а принять себя в том, что выбрала ты.

Она повернулась, рассматривая свой профиль. И вдруг улыбнулась — впервые за всё время.

— Знаете, вчера я видела передачу о моделях. Красивые, тонкие, бесконечные ноги... И я подумала: им, наверное, тоже страшно. Потерять эту безупречность, состариться, стать ненужными. А мне... мне больше нечего терять. Кроме самой себя.

«Брюки для тех, кто устал прятаться»

Вы кашлянули из своего угла.

— Штано-штано, — произнесли вы.

Я перевела:

— Господин Сато говорит, что бояться нужно не потери, а того, что вы так ничего и не найдёте. Свои вещи. Свою жизнь. Своё «я».

Она купила те брюки — синие, мягкие, с глубокими карманами. Перед самым уходом спросила:

— А как называется эта модель?

Я посмотрела на вас. Вы на мгновение задумались и произнесли лишь одно слово.

— «Рассвет», — перевела я. — Потому что за любой ночью следует утро.

Она ушла. Вы вернулись к своим пуговицам.

Я подошла к витрине, сняла прежнюю надпись и вывела новую: «Брюки для тех, кто устал прятаться».

Вы прочитали и одобрительно кивнули.

— Штано, — сказали вы.

И я знала: это значило надежду на то, что теперь хоть кто-то перестанет воевать с собой и начнёт просто жить.

5. «Брюки для тех, кто хочет нравиться»

Господин Сато сегодня перерыл весь «Дзюбонкоку» — сортирует брюки по цветам. Тёмные к тёмным, светлые к светлым, а модели с принтом — отдельно, на специальную полку. Вы делаете так каждый месяц, хоть через неделю всё снова перемешается. Говорите, это помогает сосредоточиться. Я не спору.

На витрине новая надпись: «Брюки для тех, кто хочет нравиться». И приписка мелко: «Самый популярный фасон. Подходит всем. Гарантия — ноль».

Вы прочитали, хмыкнули и указали на дождь за окном. Я поняла: «Сними. Сегодня не до популярности».

Я не сняла.

«Жажда внимания»

Он вошёл, когда ливень уже стих, но капли ещё чертили дорожки по стеклу. Мужчина лет сорока, в добротном плаще, который сидел на нём так, словно был взят напрокат. Он окинул взглядом зал, меня, вас в углу — и как-то лихорадочно, чересчур поспешно улыбнулся.

— Здравствуйте, — голос прозвучал чуть выше, чем следовало. — Мне нужны... ну, в общем, брюки. Для себя.

Я кивнула, указывая на классический ряд.

— Посмотрите эти модели. Тёмно-серые, синие, чёрные. На любой вкус.

Он медленно пошёл вдоль стойки, касаясь ткани, но я видела: он смотрит не на вещи. Он ловил мой взгляд, потом ваш, и снова мой.

— А вот эти, — он замер у ярко-красных брюк, совершенно не своего фасона. — Кому они подойдут?

— Это для молодых, — ответила я. — Для тех, кто жаждет эпатажа.

— А я? — он снова выдавил улыбку. — Я бы мог?

Вы хмыкнули в своём углу. Я услышала.

— Могли бы, — осторожно подтвердила я. — Если ваша цель — привлечь внимание.

Вариант названия: «Тот, кто дает» или «Вне фасона»

— Хочу, — выпалил он и тут же смутился. — То есть... понимаете, иногда хочется, чтобы тебя замечали. Особенно женщины.

«Уверенность не в крое»

Я вздохнула. Такие приходят часто, и нужны им вовсе не брюки.

— Знаете, — сказала я, — есть один способ. С одеждой он не связан.

Он замер.

— Какой?

Я посмотрела в окно. Дождь собирался с силами — редкие, тяжелые капли уверенно бились о стекло.

— Видите? Сейчас ливанет. А у вас, я вижу, есть зонт.

Он машинально коснулся кармана плаща и вытянул зонт. Большой, черный, добротный.

— Хорошая вещь, — заметила я. — Надежная.

— Спасибо, — растерялся он.

— А теперь выйдите на улицу. Встаньте под навес напротив. И ждите.

— Чего?

— Когда женщина попадет под дождь. Без зонта. И предложите ей свой.

Он моргнул:

— Это... как это?

— Просто. Подойдите и скажите: «Возьмите, мне недалеко». И уходите. Сразу. Не оглядываясь.

Он уставился на меня так, будто я предложила ему прогуляться в одних носках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.